

Урютова Юлия Анатольевна

преподаватель кафедры социальной работы
и социального права
Армавирского института социального
образования (филиала)
Российского государственного
социального университета
dom-hors@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ (РИСКИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ)**

Аннотация:

Данная статья посвящена проблемам информатизации современного общества. В ней рассматриваются риски информационной эпохи, изменения, происходящие в условиях развития киберпространства, приводящие к формированию культуры нового типа – «культуры глобального диалога», появлению новых идентичностей. Кроме того, в статье рассматриваются возможности снижения рисков путем обретения нашей страной своей национально-культурной идентичности.

Ключевые слова:

информатизация, глобализация, информационное общество, культура, идентичность, киберпространство, Интернет, сетевая идентичность, игровая идентичность.

Uryutova Yulia Anatolievna

Lecturer of the Social Work
and Social Law Department,
Armavir Institute for Social Education,
branch of Russian State Social
Science University
dom-hors@mail.ru

**CONCERNING THE PROBLEM OF
NATIONAL AND CULTURAL
IDENTITY DEVELOPMENT
(RISKS OF THE INFORMATION AGE)**

The summary:

This article deals with the problems of information in the modern society. It discusses the risks of the information era, the changes triggered by the development of cyberspace and leading to the formation of a new type of culture – the culture of global dialogue, as well as appearance of new identities. Moreover, the author considers the possibility of reducing risk by finding the country's national and cultural identity.

Keywords:

informatization, globalization, information society, culture, identity, cyberspace, internet, network identity, game identity.

В последние десятилетия стал активно использоваться термин «информационное общество». Это явление отражает объективную тенденцию нового витка эволюции цивилизации, связанного с появлением новых информационных и телекоммуникационных технологий, новых потребностей, нового образа жизни. Мир вошел в этап развития, когда информация претендует на статус одной из основных ценностей в жизни людей.

В информационной теории информация рассматривается как «мера устранения неопределенности знания у получателя сообщения о состоянии объекта или о каком-либо событии» [1]. Несомненно, информатизация общества связана с обеспечением заинтересованных субъектов достоверными, своевременными и исчерпывающими знаниями во всех видах человеческой деятельности. Информационное общество возникает там, где главным становится управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом и где большинство работающих занято производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы – знаний.

Согласно информационной онтологии, реальность тождественна информации. Действительно, информатизация общества пронизывает не только бизнес, государство, производство и сферу услуг, но также формирует социальные идеалы и ценности [2].

Проблематика информационного общества тесно связана с концептом глобалистики. Глобализм или глобализация есть результат важных процессов обмена информацией со всем миром. Основным противоречием формирующегося информационного общества является противоречие между глобализацией мира и идентичностью (все ее уровни!)

конкретного общества; между нивелирующим технологизмом виртуального пространства и присутствием в нем малых этнических и культурных групп, претендующих на сохранение приватности [2].

По мнению авторитетного исследователя, профессора социологии Калифорнийского университета М. Кастельса, сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества. «Новая самобытность, устремленная в будущее, – полагает М. Кастельс, – возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления» [3, с. 300].

К субъектам этого сопротивления отнесены прежде всего религиозные, экологические, женские (феминистские) организации и движения. С критической точки зрения, глобализация трактуется сегодня как изменяющийся баланс сил в современном мире, снижающий роль традиционных политических социокультурных инструментов. Так, Н. Луман справедливо ставит следующий вопрос: не придется ли нам в связи с появлением глобальной мировой системы изменять традиционное политическое значение понятия «общество». Он полагает, что современное общество в настоящее время находится в фазе «турбулентной эволюции» без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет «метакод» включения/исключения, когда некоторые люди будут личностями, а другие только индивидами [4, с. 96].

Механизированные технологии коммуникации вступают в конфликт с растущей потребностью в локальной автономии и культурной идентичности, связанной с понятием традиции как продуктом непрерывной интерпретации, связывающей настоящее с прошлым. «Традиция тесно связана с памятью, она содержит элемент ритуала; она имеет дело с тем, что можно назвать формульным понятием истины; она имеет своих хранителей; она обладает... обязывающей моральной и эмоциональной силой», – пишет А. Гидденс [5].

Самым стабильным из хранителей традиции по-прежнему остается язык и его коммуникативные возможности в поддержании стремления к национальной и культурной идентичности. М. Кастельс: «Язык, особенно полноценно развитый, остается основополагающим атрибутом самоутверждения и истэблшментом (основанием) для невидимых национальных границ, менее условных, чем территориальность, и менее эксклюзивных, чем этническая общность. Это хорошо проявляется в исторической перспективе, потому что язык обеспечивает связь между личностной и общественными сферами, между прошлым и настоящим независимо от фактического признания культурной общности государственными учреждениями. Языковые факторы, таким образом, становятся основой многих современных форм национализма, которые формируются вне государственных границ и чаще всего являются более культурными, чем политическими, и поэтому более ориентированными на защиту уже сложившихся традиций культуры, чем на создание и защиту государства» [5].

Культура и идентичность – это две базовые позиции, когда речь заходит об информационном обществе и обществе знаний (конечной стадии формирования информационного общества). Возникают они тогда, когда речь идет о взаимосвязи и взаимовлиянии между технологией, обществом и культурой в целом: огромный информационный поток – это либо хорошо, либо плохо для общества и его культуры. К слову, поликультурный контекст сетевых технологий представляет интерес для исследователей всех областей, изучающих человека и осмысливающих гуманитарные эффекты Интернета как важной составляющей информационной эпохи. Так, философия Интернета – молодое направление в развитии современной науки – предпринимает философский анализ формирующейся информационной среды в обществе. В целом, социально-философская интерпретация

информационной технологии предполагает, что речь идет об ожидаемых социальных, политических, психологических эффектах, в первую очередь об изменении систем ценностей и приоритетов социального развития.

Настораживающие тенденции здесь сформулированы как риски информационного общества, связанные с замещением духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, деформацией досуга, ориентацией на развлекательность, вытеснением реального живого общения, изменением характера человеческого мышления от творческого к инструментальному и формализованному. При этом наблюдаются:

- излишнее влияние на общество средств массовой информации (особенно рекламы);
- сложность адаптации к среде информационного общества;
- опасность разрыва между «информационной элитой» (людьми, занимающимися разработкой информационных технологий) и простыми потребителями.

Информационная эпоха способствует развитию культуры в двух направлениях. Первое связано с размыванием национальных границ культуры, преодолением языковых барьеров, о которых сказано выше, разрушением перегородок между такими формами культуры, как наука, искусство, образование и т. д.

Второе связано с тем, что в этой культуре для каждого индивида возникает возможность не только пассивно воспринимать содержание культуры, но и влиять на мир культуры. К примеру, с появлением Интернета подрываются основы однородного начала в культуре, что может означать закат культур, «закрытых», несущих в себе потенциал всевозможных конфликтов на национальной, конфессиональной, политической и тому подобной почве.

Таким образом, информационное общество возвещает о рождении культуры глобального диалога (культуры как диалога культур), «открытой» культуры, в которой каждому из участников важно осознавать, как никогда, свою принадлежность (культурную, национальную, политическую, гражданскую).

Информационная эпоха открывает новый горизонт культуры – ориентацию на глобальное творчество и индивидуальный вклад каждого. Многократно умножив степени свободы, информационное общество должно решать проблемы правовой, моральной ответственности личности, проблему новой культуры. Глобализация культурной и социальной жизни тысячекратно увеличивает долю этой ответственности. Интегрировав общество в целостность мирового сообщества и мировой культуры, информационная эпоха оставляет это общество наедине с собой и проблемой сохранения своего национально-культурного своеобразия.

И отсюда возникает закономерный вопрос: как же быть с тем культурным архетипом, который всегда был основным ядром национального и культурного своеобразия общества, который присутствовал в нем на протяжении веков его существования? Исследователи полагают, что теоретически путь развития информационного общества должен привести не к поглощению того или иного архетипа, а к обязательному сосуществованию с ним. Так, при всем объеме подаваемой информации проблемы ее выбора ученые видят в сохранении для этих целей традиционной культуры, которая является важным элементом национальной идентичности для любого общества.

Изменения социокультурного пространства способствуют разрастанию кризиса идентичности молодежи, которая стала утрачивать целостность и устойчивость, становясь более изменчивой и дезинтегрированной, активнее проявляя склонность к отрицанию прежних коллективных идентичностей в пользу новых индивидуальных ценностей [6, с. 200]. «Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности, но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфиче-

скими идентичностями», – таков вывод исследователей. «Смена идентичностей – закономерный процесс, так как они формируются социальными процессами, – считают П. Бергер и Т. Лукман, – и эти идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на нее – поддерживают, модифицируют, переформируют» [7, с. 279–280]. Такие «социальные» объединения формируются по мере того, как возникают точки пересечения пользователей, имеющих общие интересы (дискуссии, конференции и пр.) или проявляющих интерес к определенной теме и т. д.

На этих базовых тезисах выстраиваются дальнейшие «зоны взаимного интереса», способствующие взаимопониманию и готовности принять иные ценности. Так в интернет-среде создается уникальная ситуация, формирующая определенные субкультуры, в которых «утрачивают свое значение многие социальные стереотипы, предрассудки и статусно-ролевые условности, играющие роль коммуникативных преград в реальной жизни, поскольку пользователь Интернета не может видеть собеседника в киберпространстве – знать его пол, возраст, национальное и расовое происхождение, его профессию, внешность, уровень дохода. Автор может придать этим характеристикам публичный характер, если только сам того пожелает» [8, с. 211].

Сетевая идентичность может быть отнесена к культурологическим категориям, определяющим степень отождествления себя с «людьми сети», имеющими достаточно высокий уровень владения компьютерной техникой и технологиями, стилевыми и языковыми особенностями коммуникации. При этом интернет-среда – это пространство сетевой культуры, где реализуют себя виртуальные сообщества, – не может рассматриваться как территория «всеобщего равенства» и безграничных возможностей. Порождение необычных эффектов, таких как изменение ценностно-смысловых оснований и ментально-поведенческих моделей у отдельных индивидов и групп, образующих субкультуры, связано с попытками перенесения в сеть закономерностей реального мира, что влечет за собой формирование «сетевой идентичности». Этим понятием характеризуется составная часть социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном потребление и передача знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего – в компьютерном виртуальном пространстве Интернета.

«Сетевая» идентичность, как усложненная, открытая идентичность (в этом и заключается парадокс новых моделей идентичности в информационном обществе), позволяет человеку, не отказываясь от своей родной культуры и языка, при входе в сеть «представляться» по-особому и реализовать себя сообразно принципам и нормам, которые являются общепринятыми в виртуальном пространстве. Сетевая идентичность, более чем другая, предполагает проявление в человеке игрового начала. Причем от степени его проявления зависит, насколько «расщепление» личности будет естественно или противоречиво, даже конфликтно для каждого человека и общества в целом. Таким образом, сетевая культура формирует особый тип личности, становление и развитие которой во многом определяется системой сетевых взаимодействий.

Понятие «игровой» идентичности, которое появилось в связи с особыми приемами самопрезентации в Интернете менее объемно по смысловому наполнению, чем сетевая идентичность, ибо основано на других признаках. «Игровая» идентичность в сетевом пространстве предполагает вхождение в сеть в «маске» и создание соответствующего образа или даже мифа о самом себе, т. е. выступает формой самоидентификации, складывающейся из набора желаемых преставлений о себе. Более всего склонны к такого рода

«мистификациям» подростки, для которых уход в виртуальный мир чаще всего связан с проблемами в реальной жизни. Создание виртуальной личности, физическое тело которой остается в реальном мире, а некая духовная субстанция реализует себя в информационно-коммуникативной среде Интернета – это своего рода попытка компенсировать социокультурные неудачи. Для подростков с еще не сложившейся психикой создание виртуальных двойников и частая «смена» ролей еще больше могут усилить потерю интереса к реальной жизни [9, с. 67–68]. Конечно, люди разных возрастов экспериментируют в сети, общаясь в воображаемой реальности, воспринимаемой как подлинная социокультурная реальность. Чем дольше длится их пребывание в виртуальном пространстве Интернета, тем ближе и понятнее становятся законы информационно-коммуникативной среды. Возможно, именно поэтому программисты всего мира работают сегодня не столько над достижением большей реалистичности изображений, сколько над повышением «когерентности» среды, усилением эффекта присутствия в другой реальности. И.А. Третьяков, высказываясь относительно формирования в сетях культуры нового типа – «культуры глобального диалога», думается, впадает в отличие от своего оппонента в иную крайность. «Если на секунду, – пишет И.А. Третьяков, представить себе весь этот глобальный «хор» Интернета, то картина будет безрадостной. Это или вавилонского масштаба склад, но склад, по которому основательно прошелся цунами, или, что вернее, всемирная помойка культуры, где всевозможные культурные объекты свалены в единую кучу, не образуя при этом, что самое главное, никакой умопостигаемой на настоящий момент системы» [10, с. 101].

Дело в том, что лежащий в основе функционирования Интернета принцип сетевой самоорганизации отличается от привычных «системных» закономерностей, от известных структурных принципов центра и периферии, «ядерных» схем и т. д., поэтому современное компьютерное поколение открывает для себя эту новую территорию и полагает, что открывая для себя весь мир культуры.

Формирование информационного общества порождает ситуацию, при которой господствующие в информационно-коммуникативном пространстве ценности и смыслы могут создавать угрозу другим идентичностям. Ощущение независимости логики глобальных сетей от культурной идентичности ошибочно, ибо соединить ценности информационного общества и национально-культурный менталитет способна национальная легитимирующая идентичность, которая формируется через систему образования. В свою очередь, на систему образования общество по-прежнему возлагает ответственность за становление личности. Хотя этот процесс длится всю жизнь и требует огромных усилий общества и максимального напряжения жизненных сил и способностей от каждого человека, он в большей мере связывается с созданием благоприятных условий и возможностей, позволяющих индивиду стать социально конкурентоспособной и мобильной личностью, со сложившимися ценностными ориентациями и духовным миром. Особые надежды общество возлагает на систему высшего образования, которая должна способствовать тому, чтобы молодежь смогла обрести необходимую интеллектуальную и культурную компетентность, помочь новому поколению на этапе жизненного старта, укрепить его возможности в социальной самореализации.

Ссылки:

1. Клевцова Е.В. Диалектика ценностей и потребностей в информационном обществе. [Электронный ресурс]. URL: <http://tsu.ru> (дата обращения: 26.05.2012).

References (transliterated):

1. Klevtsova E.V. Dialektika tsennostey i potrebnostey v informatsionnom obshchestve. [Electronic resource]. URL: <http://tsu.ru> (date of access: 26.05.2012).

2. Лукина Н.П. Информационное общество: состояние и перспективы социально-философского исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://tsu.ru> (дата обращения: 26.05.2012).
 3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
 4. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М., 1998.
 5. Лукина Н.П. Указ. соч.
 6. Чупров В.И., Zubok Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М., 2003.
 7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
 8. Туронк С.Г. Субкультура интернет-сообществ // Культура России как ее стратегический ресурс. Тетради Международного университета (в Москве) : сб. науч. тр. Вып. 2. М., 2004.
 9. Скородумова О.Б. Культура информационного общества. М., 2004.
 10. Третьяков И.А. «Цветущая сложность» глобального мира или свалка культуры? Интернет в свете теории социокультурной стратификации // Культурологические записки. Вып. 8. М., 2003.
2. Lukina N.P. Informatsionnoe obshchestvo: sostoyanie i perspektivy sotsial'no-filosofskogo issledovaniya. [Electronic resource]. URL: <http://tsu.ru> (date of access: 26.05.2012).
 3. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000.
 4. Luman N. Globalizatsiya mirovogo soobshchestva: kak sleduet sistemno ponimat' sovremennoe obshchestvo // Sotsiologiya na poroge XXI veka: povne napravleniya issledovaniy. M., 1998.
 5. Lukina N.P. Op. cit.
 6. Chuprov V.I., Zubok Y.A., Uil'yams K. Molodezh' v obshchestve riska. 2nd ed. M., 2003.
 7. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995.
 8. Turonok S.G. Subkul'tura internet-soobshchestv // Kul'tura Rossii kak ee strategicheskii resurs. Tetradi Mezhdunarodnogo universiteta (v Moskve) : sb. nauch. tr. Issue 2. M., 2004.
 9. Skorodumova O.B. Kul'tura informatsionnogo obshchestva. M., 2004.
 10. Tre't'yakov I.A. «Tsvetushchaya slozhnost'» global'nogo mira ili svalka kul'tury? Internet v svete teorii sotsiokul'turnoy stratifikatsii // Kul'turologicheskie zapiski. Issue 8. M., 2003.